

Гончарова Ирина Валентиновна

ЛИКВИДАЦИЯ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДЕРЕВНЕ И ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ 1927/1928 Г. (ПО МАТЕРИАЛАМ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В предлагаемой статье рассматривается кризис хлебозаготовительной кампании в Орловской губернии в 1927/28 г. Автор анализирует причины кризиса, способы его преодоления, его последующее воздействие на развитие аграрного сектора и ликвидацию рыночных отношений в деревне. В центре исследовательского интереса также оказывается мировоззренческая ломка наиболее типичных представителей анализируемых референтных групп. Делается вывод о том, что хлебозаготовительный кризис в губернии был спровоцирован властью как один из инструментов воздействия на крестьянство.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/3-3/8.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 30-34. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Экономические возможности организационно-правовых форм частной предпринимательской деятельности ограничивались политической сущностью нэпа, который остался политикой временных уступок капитализму и не стал концепцией целостного развития рыночной экономики. Декларируя цели ускоренного экономического развития, государство сдерживало частную инициативу в наиболее перспективных и важных отраслях. Указанное сущностное противоречие проявилось в экономическом законодательстве периода нэпа, что снизило эффективность гражданского законодательства в качестве механизма регулирования хозяйственной деятельности.

Список литературы

1. Бахчисарайцев Х., Граве К., Эйбушитц П. Вопросы законодательства по внутренней торговле. М., 1925. 494 с.
2. Венедиктов А. В. Концессии и смешанные общества // Правовые условия торгово-промышленной деятельности в СССР. Л.: Гос. изд-во, 1924. С. 44-52.
3. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-2. Оп. 1.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-262. Оп. 10.
5. Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. Р-76. Оп. 1.
6. Исаев И. А. Становление хозяйственно-правовой мысли в СССР. М.: Юрид. лит., 1986. 175 с.
7. Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России IX-XX вв. М.: Юрист, 1995. 378 с.
8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 42. 606 с.
9. О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом: Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) от 21 марта 1921 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 26. Ст. 147.
10. Олейник Н. Н. Правовое регулирование частного промышленного предпринимательства в годы НЭПа (1921-1930) // История государства и права. 2001. № 5. С. 28-33.
11. Отчет Совета ВСНХ о нецензовой промышленности // Торгово-промышленная газета. 1922. № 169.
12. Реализация планов арендной компании: отчет спецкомиссии ВСНХ // Экономическая жизнь. 1924. № 275. С. 5.

**THE OPPORTUNITIES OF THE ORGANIZATIONAL-LEGAL FORMS
OF PRIVATE COMMERCIAL ENTERPRISES DURING THE PERIOD OF NEW ECONOMIC POLICY
AS THE LEGAL INSTRUMENT OF ECONOMY DEVELOPMENT**

Kirill Georgievich Gavrilo

Department of History and Law

Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinskii

kirillgeorgievich@yandex.ru

The article determines the opportunities limits of the organizational-legal forms of private entrepreneurial activity during the period of New Economic Policy as one of the instruments of national economy renewal and development. It is stated that this instrument opportunities were limited by the institutional contradictions of New Economic Policy.

Key words and phrases: New Economic Policy; legal person; organizational-legal forms of entrepreneurial activity; entrepreneurship; economic development.

УДК 94(47).084.5/6

В предлагаемой статье рассматривается кризис хлебозаготовительной кампании в Орловской губернии в 1927/28 г. Автор анализирует причины кризиса, способы его преодоления, его последующее воздействие на развитие аграрного сектора и ликвидацию рыночных отношений в деревне. В центре исследовательского интереса также оказывается мировоззренческая ломка наиболее типичных представителей анализируемых референтных групп. Делается вывод о том, что хлебозаготовительный кризис в губернии был спровоцирован властью как один из инструментов воздействия на крестьянство.

Ключевые слова и фразы: кризис хлебозаготовок; крестьянство; Орловская губерния; власть; репрессии; кулак; 107 статья УК РСФСР.

Ирина Валентиновна Гончарова

Кафедра истории России

Орловский государственный университет

snotra@orel.ru

**ЛИКВИДАЦИЯ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДЕРЕВНЕ И ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНАЯ
КАМПАНИЯ 1927/1928 Г. (ПО МАТЕРИАЛАМ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)[©]**

Процесс модернизации в Советской России в силу сложившихся внутренних и внешнеполитических факторов предполагал использование в качестве источника средств ресурсы аграрного сектора. Это обусловило в конце

1920-х гг. сложный и очень болезненный для крестьянства переход от рыночных отношений к новой модели социалистического хозяйствования. Отказ от нэповских методов регулирования экономики сопровождался подготовкой организационной, правовой и социально-психологической базы коллективизации. Механизм применения чрезвычайных мер, методы и формы воздействия власти на крестьянство вырабатывались и проверялись в первую очередь в сфере хлебозаготовок. «Сплошная коллективизация выростала стихийно, из хлебозаготовительного кризиса», - отмечает Н. Л. Роголина [5, с. 99]. В этой связи важную роль играет обращение к истории протекания кризиса в Орловской губернии, входившей в традиционный земледельческий центр страны.

Современное расширение источниковой базы [6-8] определяет новые ракурсы изучения финального кризиса нэпа, позволяет уйти от сложившейся в советской историографии его оценки как неизбежной трудности «на пути планомерного социалистического преобразования сельского хозяйства» [10, с. 49]. Хлебозаготовительный кризис 1927/1928 г. совершенно обоснованно определяется современными исследователями как завершение нэпа. Несмотря на различия в трактовке его фундаментальных оснований, большинство историков считают, что его «непосредственной причиной стало связанное с конъюнктурными особенностями года сокращение крестьянами реализации произведенного ими зерна» [4, с. 14]. Новейшая историография переносит ответственность за кризис на мифические представления власти о «невидимых хлебных запасах» и возросшие масштабы государственных заготовок зерна [3, с. 18-19].

Исследование нэпа на региональном уровне показывает, что его успехи в реальности были весьма относительными. Подъем экономики ограничивался жесткими пределами. Достигнуть довоенного уровня было нелегко, но и это означало новое столкновение с отсталостью вчерашней России, в 1920-е гг. уже изолированной и окруженной враждебным ей миром. Быстро обозначились противоречия экономического роста. В 1926 г. при обсуждении постановлений XIV съезда орловские губернские власти отмечали: «Наш хозяйственный рост вызвал некоторые болезни роста, обусловленные диспропорциями между отдельными частями нашего хозяйственного организма, а с другой стороны - нехваткой капиталов для обслуживания растущего хозяйства и особенно переоборудования нашей промышленности и расширения основного капитала» [1, д. 1512, л. 48].

Обозначенные трудности проявились при выполнении губернией годового хозяйственного плана 1925/1926 г. Недостаток промышленных товаров и ожидание крестьянами более высоких цен на зерно ослабили стимул к выбрасыванию крестьянского хлеба на рынок. Слабое предложение хлеба при большом спросе, нездоровая конкуренция между многочисленными заготовителями - государственными организациями, кооперацией и частником, воздействующая на рынок как дестабилизирующий фактор, приводили к непрерывному росту цен на хлеб. В итоге план хлебозаготовок пришлось сократить.

Курс на индустриализацию внутри страны сопровождался нагнетанием атмосферы международной напряженности, что, безусловно, сказывалось на политическом состоянии Орловской губернии. В информотчете орловского губкома о работе парторганизации с 1 октября 1926 г. по 1 июня 1927 г. указывается, что слухи о войне «стали самыми распространенными как в городе, так и в деревне и являются почти единственной темой разговоров и на собраниях, и в частных беседах» [Там же, д. 1506, л. 2]. Живое реагируя, крестьяне и горожане скупали по 5-10 пудов соли, запасались сахаром, керосином и другими продуктами. Из-за боязни мобилизации и конфискации скота продавали лошадей. В Новосильском уезде около 70% крестьян взяли обратно свои денежные вклады из сберкасс. Такое поведение свидетельствовало о весьма хрупком равновесии в отношениях между орловским населением и большевиками, чей приход к власти ассоциировался с войной, а постоянные напоминания об острой международной обстановке болезненно впитывались в социально-экономическую почву орловской деревни, разъедаемую эрозией собственных проблем.

Желание дистанцироваться и оградить себя от непредсказуемых действий власти активизировало агитацию за создание крестьянских союзов, чтобы крестьяне «могли бы сами регулировать цены на свои сельхозпродукты». В то же время это возмущение не выходило за рамки пассивного брожения, о чем свидетельствует стопроцентное выполнение крестьянских платежей (свыше 6 млн. рублей). В принципиальных вопросах срабатывала вековая привычка послушания власти [Там же, л. 3].

Последнее обстоятельство обусловило в целом устойчивую политическую обстановку в губернии осенью 1927 г. в самый ответственный и напряженный для власти период года - время хлебозаготовок. Несмотря на значительное повышение суммы государственного задания для губернии по сравнению с 1926 г. - с 5 до 8 млн. пудов, осенью 1927 г. было выполнено, по данным доклада председателя губкома, 92% задания, не меньше среднереспубликанских показателей [Там же, д. 1850, л. 107].

Тем не менее, губернские власти, очевидно, под давлением центра были озабочены ходом хлебозаготовок. С декабря 1927 г. последовали директивы ЦК ВКП(б) с требованием добиться решительного перелома в ходе хлебозаготовок. Но обеспечить высокую активность крестьянства при сдаче хлеба по заниженным ценам было сложно. В Орловской губернии цены были ниже, чем в соседних, что привлекло мелких перекупщиков - полехов. Бюро губкома повело с ними «жесткую борьбу», направляя в пограничные районы ответственных работников и выставляя заградительные отряды. Осенью 1927 г. в деревне начались подворные обыски, уполномоченные изымали у крестьян хлеб, оставляя зерно только для личного потребления. Предоставление чрезвычайных полномочий губернским властям, встретившее в основном сочувствие на местах, было санкционировано из центра.

Чтобы активизировать хлебозаготовки, губернские власти стали проводить политику «кнута и пряника», сочетая частичное насыщение деревенского рынка промтоварами с административным и экономическим давлением. Правительство поставило в губернию в счет квартального плана 89 вагонов хлопчатобумажной мануфактуры (в предыдущий квартал - 50,5 вагонов). 90% товаров направлялось на деревенские рынки,

местные руководящие органы должны были осуществлять контроль над тем, чтобы они попали «исключительно в хлебные пункты».

На активизацию хлебозаготовок было направлено увеличение финансовых изъятий. В Орловской губернии сельхозналог с 1 870 тыс. руб. в 1925/26 г. возрос до 3 920 тыс. руб. к 1928/29 г. [Там же, д. 2036, л. 130]. Более чем двухкратное увеличение предполагало льготы для бедняцких хозяйств и переобложение зажиточных. Параллельно в начале января разворачивалась кампания по самообложению в пределах 35% к сельхозналогу [Там же, д. 1852, л. 29]: общегубернскую сумму самообложения в 1 200 тыс. рублей предполагалось «разверстать по уездам» до 3 февраля [Там же, д. 2109, л. 53]. Центром было дано задание распространить 900 тыс. рублей Крестьянского займа [Там же, д. 1852, л. 35]. Крестьяне не дифференцировали поток изъятий, партработники констатировали: «Как мы ни старались кампанию по займу разделить с кампанией по самообложению, они все-таки соединились» [Там же, д. 2109, л. 109]. Размещение займа и самообложение проходили старым испытанным ударным способом, где агитация для весомости подкреплялась угрозой и насилием. В рамках усиления нажима на недоимщиков местные органы власти пошли на существенное ускорение процедуры изъятия имущества в счет погашения недоимки. Выдача кредитов сокращалась, право на получение предоставлялось бедноте и колхозам.

В деревню направляли уполномоченных, в среднем, по 15-20 из уезда в волости и 12-15 из волости в село [Там же, л. 159]. В январе районным и уездным судам было предоставлено право решать дела по обвинению должностных лиц в нарушении правил о хлебозаготовках. На практике это вылилось в привлечение к судебной ответственности лиц, не обеспечивших высокие темпы хлебозаготовок, как правило, сотрудников среднего и низшего звена.

В январе план хлебозаготовок возрос, составив 2 млн. пудов. Зимой 1928 г. в Орловской губернии стали разверстывать хлебозаготовительные планы по волостям и отдельным селениям, несмотря на заявления губкома о «недопустимости продразверсточной системы» [Там же, л. 5]. Крестьяне стали объектом сильного административного нажима. Юридической базой разворачивающегося репрессивного механизма стала ст. 107 УК РСФСР, предусматривающая преследование за «злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок», срок производства по делам сокращался до трех дней с момента начала дела по момент вынесения приговора. Действие статьи было распространено на скупщиков и держателей хлеба, они могли лишиться свободы на срок до 5 лет с конфискацией имущества или без таковой. Специальной секретной телеграммой на места предписывалось 25% хлеба, конфискованного у кулаков, передавать бедноте, создавая специальные фонды в волкrestкоммах. Этот продотрядовский отголосок власть, по всей видимости, намеревалась использовать для разжигания внутридеревенских конфликтов и привлечения бедноты на свою сторону.

Орловские партработники приветствовали возможность использовать репрессивные меры. «Статья 107 УК поможет лучше говорить с кулаком», - заявлял представить Елецкого уезда Павловцев на заседании бюро губкома [Там же, л. 107, 109]. Главными методами выполнения хлебозаготовок становились обход дворов, обыски, поголовный учет и опись всего имущества. При этом совершенно не учитывалось, что ряд хозяйств уже выполнил задание. Поспешность и жестокость хлебозаготовительной кампании вносили сумятицу и неразбериху. В отчете по хлебозаготовкам в Орловском губкоме в феврале 1928 г. отмечалось: «Перегибы в методах заготовок значительны, делают обыски. В отдельных случаях, лазя по чердакам, сами вывозят хлеб из амбаров, ломают замки, сверлят полы, под видом обыска самогона делают обыски на хлеб. С милицией делают подворные обходы (езде) и даже аресты». Только в одной Ленинской волости Ливенского уезда «были незначительные перегибы, но там и не было работы». Давался и прогноз на будущее: «...нужно ждать не только единичных случаев, но и в отдельных районах массовых перегибов» [Там же, л. 160].

Орловские коммунисты воспринимали эти действия как начало серьезной работы, перестройку на военный лад: «Ведь мы перестраиваемся на военную ногу, без взысканий не обойдешься». Приветствовал воинственный подъем и председатель губкома: «Мы перешли от спячки к действительной работе по-большевистски» [Там же, л. 110].

Согласно ст. 107, «в целях ускорения проведения хлебозаготовок» привлекаться должны были те лица, которые имели 2-3 тыс. пудов хлеба и не вывозили его. Это решение политбюро во многих местах было невыполнимо, поскольку крестьян, имевших такое количество хлеба, практически не было. «Планку» применения статьи стали снижать, на практике же судили тех, кто имел 200-300 пудов.

Экономические органы губернии спокойно оценивали ситуацию с хлебозаготовками. По конъюнктурному обзору хозяйства Орловской губернии за февраль 1928 г., в январе обозначался перелом в ходе этой кампании в сторону повышения темпа заготовок на 191,5% по сравнению с декабрем. Февральская заготовка превышала на 27,8% январскую и более чем в 4 раза прошлогоднюю. В целом, как отмечалось в обзоре, годовой план в феврале всеми заготовителями губернии был выполнен на 89,8%, что превышало аналогичные показатели на 1 марта 1927г. - 77,7% [Там же, д. 2152, л. 15]. Выяснить, насколько эти подсчеты противоречили данным секретаря губкома, уверявшего, что государственное задание выполнено на 92% уже осенью 1927 г., достаточно трудно, так как нормы заготовок увеличивались по распоряжениям центра.

Перелом в ходе хлебозаготовительной кампании позволил выполнить государственное задание в марте 1928 г. Для региональной партийной элиты была свойственна не только безоговорочная поддержка указаний центра, но и стремление перевыполнить задание, чему активно способствовала возможность применения репрессий. Окрыленные успехом, губернские должностные лица зимой 1928 г. высказывались за повышение плана хлебозаготовок, «чтобы иметь некоторую страховку». Так, в телеграмме наркома торговли А. И. Микояна для Орловской

губернии устанавливался мартовский план в 1,2 млн. пудов, а бюро губкома проголосовало за 1,5 млн. пудов [Там же, л. 121]. Рвение орловских партийцев не осталось незамеченным. На 20 марта было выполнено 100,6% годового плана. Успешный итог в губернии был отмечен благодарственным приказом Народного комиссариата торговли РСФСР № 188 от 24 марта 1928 г. Орловскому губвнурторгделу [Там же, д. 1947, л. 56].

Миновал осенне-зимний заготовительный сезон, губерния тем не менее не избежала инициированных сверху проблем в этой области. В мае 1928 г. Москвой был дан дополнительный план заготовки на 500 тысяч пудов [Там же, д. 2111, л. 11]. В стране недоставало 60 млн. пудов хлеба, на Украине погибли озимые посевы, и нужен был хлеб для обсеменения полей. В какой-то степени повторилась ситуация 1921 г.: тяжесть пополнения государственных закромов перекладывалась на урожайные районы, в первую очередь на Центрально-Черноземный район. Но условия 1928 г. нельзя было сравнивать с условиями 1921 г., крестьяне за годы нэпа привыкли самостоятельно выстраивать производственную и рыночную стратегию, тогда как хлебозаготовительная кампания 1927-1928 гг. напоминала о продрозверстке. Поэтому в мае заготовили 220 000 пудов, или 45% задания [Там же, л. 26].

Действительно, 500 000 пудов были незначительным объемом для губернии, но крестьянство раздражал сам факт дополнительного сбора и особенно методы его проведения: пятидневки, «тройки» по подворному обходу, экономический бойкот и другие меры административного воздействия, напоминавшие времена военного коммунизма. Распространившиеся среди крестьян слухи о реквизиции хлеба на свободном рынке свели до минимума его поступление. В городах, которые в связи с последними урожайными годами были сняты с планового снабжения, начались перебои с хлебом. Особенно пострадал Елец, где даже повышение выпечки в 8 раз не могло ликвидировать очереди.

Местные органы власти ответили экономическим и политическим нажимом на деревню, проводя, по словам партработника, «сбор с револьвером в руках - позор для Орловской губернии» [Там же]. «Орловская правда» афишировала статью 107 УК о репрессивных мерах вплоть до исключения из партии и отдачи под суд. Подобного рода факты переносят рассмотрение проблемы кризиса хлебозаготовок из плоскости экономической в политическую. В Орловской губернии как такового кризиса хлебозаготовок 1927/28 г. не было, осенне-зимние заготовки прошли по плану, а весной, скорее, приходится говорить о кризисе взаимоотношений большевистской власти с крестьянством, недоверие между которыми не исчезло за все время нэпа. Результаты хлебозаготовок 1927/1928 г., в 2,5 раза превышавшие прошлогодние [Там же, д. 2156, л. 7], были достигнуты очень дорогой ценой. Большинство дел по 107 ст. фабриковалось с грубейшими нарушениями правовых норм. К 1 апреля 1928 г. в Орловской губернии было привлечено 418 хозяйств, из них только по 281 хозяйству дела рассматривались в суде [2, д. 43, л. 12]. Применение 107 ст. имело не сплошной, а выборочный характер. К уголовной ответственности привлекались не все располагающие запасами хлеба хозяйства, а лишь некоторые из них. В. А. Ильиных считает, что «нужно было не разорить зажиточных крестьян, а напугать их» [4, с. 243]. Главным объектом психологического давления были не кулацкие хозяйства. Репрессии против кулаков, прикрываясь классовой избирательностью, были направлены на то, чтобы заставить всех держателей хлеба - середняков - ускорить его реализацию.

Следствием грубого вмешательства в ситуацию на крестьянском рынке стала полная его дезорганизация. В городах появились очереди за хлебом, была введена карточная система. Посредством административного давления государство почти выполнило план. Объем централизованных заготовок в 1927/28 г. в СССР составил 627,2 млн. пудов, или 97% от уровня предыдущего года. При этом ЦЧО поставила 77 809 тыс. пудов, или 12,4% от общего показателя централизованного фонда. Удельный вес региона в общем объеме заготовок по стране увеличился на 7,1% по сравнению с 1926/27 г. [Там же, с. 169, 339]. На примере ЦЧО можно говорить, что кризис заготовок вылился не в экономические потери государства, напротив, с черноземных крестьян удалось собрать больше, чем в предыдущем году, он вылился в кризис взаимоотношений власти и крестьянства и стал прологом коллективизации.

Таким образом, выходом из хлебозаготовительного кризиса, возникшего вследствие диспропорций народно-хозяйственного развития, стало возвращение к внеэкономическим методам изъятия зерна у производителей. Одновременно происходила «встряска» низового аппарата власти, приведение его в «боевую готовность» для дальнейшего наступления на деревню. Во время кризиса в постоянном диалоге центра и региональных властей шла выработка новой стратегии взаимодействия с крестьянством. Спровоцированный в губернии хлебозаготовительный кризис 1927/28 г. имел огромные социально-политические последствия. Сопряженные с ним процессы четко обозначили не только ликвидацию рыночных отношений в деревне, но и возвращении к отдельным элементам аграрной политики, характерным для эпохи военного коммунизма. По мере разрастания кризиса была апробирована ставшая популярной в дальнейшем система административного принуждения крестьянства. Советская идеология пополнилась новым политическим мифом о «кулацкой угрозе», ставшим важнейшей идеологемой кампании раскулачивания. Кризис продемонстрировал одно из важнейших условий будущей коллективизации - беспрекословную поддержку политики центра представителями региональной властной элиты.

Список литературы

1. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 1. Оп. 1.
2. Там же. Ф. 48. Оп. 1.

3. Данилов В. П. Введение: истоки и начало деревенской трагедии // Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: документы и материалы: в 5-ти т. / под ред. В. П. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 1. Май 1927 - ноябрь 1929.
4. Ильиных В. А. Хроники хлебного фронта: заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири. М.: РОССПЭН, 2010. 343 с.
5. Роголина Н. Л. Власть и аграрные реформы в России XX в. М.: Энциклопедия российских деревень, 2010. 256 с.
6. «Совершенно секретно»: Лубянка - Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 2004.
7. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД: документы и материалы: в 4-х т. М.: РОССПЭН, 2000.
8. Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание: документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2.
9. Хлебозаготовительная политика Советского государства в Сибири в конце 1920-х гг.: хроникально-документальный сборник. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2006. 260 с.
10. Шарова П. Н. Коллективизация сельского хозяйства в ЦЧО. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 287 с.

LIQUIDATION OF MARKET RELATIONS IN COUNTRYSIDE AND GRAIN PROCUREMENT CAMPAIGN OF 1927-1928 (BY OREL PROVINCE MATERIALS)

Irina Valentinovna Goncharova

Department of Russian History

Orel State University

snotra@orel.ru

In the article the crisis of grain procurement campaign in Orel province in 1927-28 is considered. The author analyzes the crisis reasons, the ways of its overcoming, its subsequent influence on the agrarian sector development and the liquidation of market relations in the countryside. Special attention is also paid to the world-view breaking of the most typical representatives of the analyzed reference groups. The conclusion is made that grain procurement crisis in the province was provoked by the authorities as one of the instruments of influencing peasantry.

Key words and phrases: grain procurement crisis; peasantry; Orel province; authorities; repressions; kulak (wealthy peasant); Article 107 of Criminal Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic.

УДК 165.1

В статье рассматривается роль понимающих процедур в структуре научного и, прежде всего, гуманитарного познания. Вводится разграничение герменевтических процедур на смысловывявляющие, смыслонаделяющие и смыслополагающие, а также разграничиваются такие формы понимания, как истолкование, интерпретация и объяснение. В качестве иллюстрации в работе рассматривается гносеологическая структура исторического исследования. Особое внимание уделяется вопросам о значении теории, а также о соотношении выявленных смыслов и смыслов, полагаемых субъектом для указанных форм понимания. В заключении статьи формулируется критерий разграничения гуманитарного и естественно-научного познания.

Ключевые слова и фразы: понимание; смысл; истолкование; интерпретация; объяснение; смысловывявление; смыслополагание.

Алексей Владимирович Горюнов, к. филос. наук

Кафедра философии

Ульяновский государственный университет

algor74@inbox.ru

Александр Владимирович Никишкин

Кафедра философии

Ульяновский государственный педагогический университет

puchleg@mail.ru

ФОРМЫ И ВИДЫ ПОНИМАНИЯ В ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ: ОПЫТ ТИПОЛОГИИ[©]

Работа создана при поддержке гранта ФЦП Министерства образования и науки РФ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

Проблема специфики гуманитарного познания, несмотря на свою уже более чем столетнюю историю, по-прежнему сохраняет свою актуальность. И по сложившейся ещё в XIX в. традиции специфика гуманитарных наук тесно увязывается с процедурой понимания. Термин «понимание» в философии используется в двух